

ДЖОН СТЕЙНБЕК

*ЗИМА
ТРЕВОГИ НАШЕЙ*



*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
С79

Серия «Эксклюзивная классика»

John Steinbeck

THE WINTER OF OUR DISCONTENT

Перевод с английского *Д. Целовальниковой*

Серийное оформление *А. Фереца, Е. Фереца*

Печатается с разрешения The Estate of Elaine A. Steinbeck
и литературных агентств McIntosh and Otis, Inc.
и Andrew Nurnberg.

Стейнбек, Джон.

С79 Зима тревоги нашей : [роман] / Джон Стейнбек ; [пер. с англ. Д. Целовальниковой]. — Москва : Издательство АСТ, 2024. — 416 с. — (Эксклюзивная классика).

«Зима тревоги нашей» (1961) — последний роман Стейнбека, невероятно современный и актуальный, хотя действие его происходит в 60-е годы в Новой Англии, в вымышленном небольшом городке. Главный герой, Итан Аллен Хоули, потомок некогда очень богатой семьи, ветеран Второй мировой войны, человек образованный, порядочный и честный, оказывается в затруднительном положении.

Он вынужден работать продавцом в бакалейной лавке. Итану, привыкшему к совершенно другой жизни, непросто смириться с таким падением. Тогда он идет на сделку с совестью, чтобы обрести прежний статус и положение. Однако нечестные махинации, вернувшие герою богатство, не делают его счастливым.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© John Steinbeck, 1961
© Copyright renewed Elaine Steinbeck, Thom Steinbeck, and John Steinbeck IV, 1989
© Школа перевода В. Баканова, 2016
© Перевод. Д. Целовальникова, 2016
© Издание на русском языке AST Publishers, 2024

ISBN 978-5-17-098381-0

*Посвящается моей сестре Бет,
чей свет сияет ярко.*

Читателям, которые попытаются угадать прототипов моих героев и определить место действия, советую оглянуться вокруг и посмотреть на самих себя, поскольку в своей книге я по большей части писал о современной Америке.

ЧАСТЬ 1

Глава 1

Солнечным апрельским утром Мэри Хоули открыла глаза, перевернулась на другой бок и обнаружила, что ее муж сунул мизинцы в рот, растянул щеки и изображает лягушку.

— Ты смешной! — сказала она. — Итан, ты прирожденный комик.

— Мисс Мышка, выходи-ка за меня замуж!

— Дурачишься с утра пораньше?

— И год рад весне! И день утру рад!*

— Значит, дурачишься. Помнишь, что сегодня Великая Пятница?

— Гнусные римляне строятся, чтобы идти на Голгофу.

— Не богохульствуй! Марулло разрешит тебе закрыться в одиннадцать?

— Моя цыпоська-краса, Марулло — католик и итальяшка-иммигрант. Вряд ли он вообще сегодня явится. Закрою в полдень и не открою, пока не кончится казнь.

— Рассуждаешь как пилигрим. Нехорошо так говорить!

* Роберт Браунинг. Песенка Пиппы. Перевод С. Шестакова.

— Чепуха, букашечка! Это у меня от предков со стороны матери. Так говорят настоящие пираты. И, между прочим, казнь действительно была.

— Какие еще пираты? Ты же говорил, они были китобоями, со специальными грамотами от Континентального конгресса, уж не знаю, как они там называются.

— Зато на кораблях, которые они обстреливали, их считали пиратами. А те римские солдаты считали, что это была казнь.

— Ну вот, теперь ты злишься. Мне больше нравится, когда ты дурачишься.

— Я всегда дурачусь. У кого хочешь спроси!

— Вечно ты мне голову морочишь! Тебе есть чем гордиться: в одной семье и отцы-пилигримы, и капитаны-китобои.

— А им-то гордиться и нечем.

— Почему?

— Разве стали бы мои предки гордиться, узнав, что породили чертова бакалейщика для чертова хозяина-итальяшки в городе, который когда-то принадлежал им целиком?

— Никакой ты не бакалейщик. Скорее управляющий — ведешь бухгалтерию, относишь деньги в банк и заказываешь товар.

— Само собой. Еще я подметаю, выношу мусор и хожу перед Марулло на задних лапах, а будь я чертовым котом, то и мышей бы для него ловил.

Мэри обвила мужа руками.

— Лучше давай дурачиться, — сказала она. —

Прошу, не сквернословь в Великую Пятницу!
Я тебя люблю.

— Ладно, — немного погодя ответил он. — Все вы, женщины, так говорите. Только не думай, что поэтому тебе можно валяться в чем мать родила в постели женатого мужчины!

— Хотела поговорить с тобой о детях.

— Они в кутузке?

— Ну вот, опять дурачишься. Пусть они сами скажут.

— Почему бы тебе...

— Сегодня Марджи Янг-Хант мне снова погадает.

— Она гадает на бобах? Кто эта Марджи Янг-Хант? И чем она всех пастушков пленила?*

— Хорошо, что я не ревнива! Говорят, если мужчина нарочито не замечает красивую девушку...

— Ничего себе девушка! Два брака за плечами.

— Ее второй муж умер.

— Завтракать пора. Ты веришь в эту ерунду?

— Ну, про брата карты сказали правду. Помнишь: кто-то из родных и близких?

— А кто-то из моих родных и близких получит хорошего пинка, если не возьмет курс на кухню...

— Уже бегу! Как насчет яичницы?

— Пожалуй, пойдет. Кстати, почему именно Великая Пятница? Что в ней великого?

* У. Шекспир. Два веронца. Акт 4, сцена 2. Перевод В. Левика.

— Ах, Итан! — вздохнула она. — Все бы тебе шутить!

Кофе сварился, на тарелке лежали яичница и гренки. Итан Аллен Хоули проскользнул в уголлок возле кухонного окна.

— Чувствую себя великолепно, — заметил он. — Почему эту пятницу называют Великой?

— Весна, — пояснила она, стоя у плиты.

— Весенняя Пятница?

— Весеннее обострение. Дети уже встали?

— Вряд ли. Маленькие дармоеды. Давай растолкаем их и выпорем!

— Ну и шуточки у тебя! Обедать придется?

— Нет.

— Почему?

— Женщины. Вожу их тайком с двенадцати до трех. Может, и твою Марджи позову.

— Не смей так шутить, Итан! Марджи — настоящая подруга! Она последнюю рубашку с себя снимет!

— Неужели? Откуда у нее рубашка?

— Опять ты говоришь как пилигрим.

— Спорим, мы с ней в родстве? В ней тоже течет кровь пиратов.

— Опять ты валяешь дурака! Вот список продуктов. — Она сунула ему в нагрудный карман листок. — Вышло много, но ведь Пасха все-таки! И не забудь про яйца — две дюжины, запомни. Ты уже опаздываешь!

— Знаю. И Марулло обеднеет на пару грошовых покупок. Зачем нам столько яиц?

— Будем красить. Аллен и Мэри-Эллен очень просили. Тебе пора!

— Как скажешь, мой жучиный цветочек! Можно я сначала сбегая наверх и намну бока Аллену и Мэри-Эллен?

— Итан, ты избаловал их до безобразия! Сам знаешь.

— Прощай, корабль! В добрый путь!* — объявил он, захлопнул за собой дверь из проволочной сетки и вышел в золотисто-зеленое утро.

Итан оглянулся на красивый старинный дом, в котором жили его отцы и деды: обшитый досками, выкрашенными белой краской, над парадной дверью арочное окно, повсюду элементы декора в духе братьев Адамов, на крыше смотровая площадка — так называемый вдовый мостик. Дом стоял в глубине зеленеющего сада среди столетних сиреней, чьи стволы в обхвате достигали туловища взрослого человека, а ветки покрылись набухшими почками. Старые вязы на Вязовой улице ничуть не уступали им по высоте и тоже выпустили первые листочки, окрасившись желтой дымкой. Выглянувшее солнце осветило здание банка и засверкало на серебристом резервуаре для бензина, от старой бухты пахло бурыми водорослями и солью.

Единственный прохожий на Вязовой улице — ирландский сеттер мистера Бейкера, он же банкиров пес, он же Рыжий Бейкер — с достоинством

* Генри Уодсворт Лонгфелло. «Постройка корабля».

вом прохаживался вдоль деревьев, иногда обнюхивая пахучие метки ранее отметившихся на стволах псов.

— С добрым утром, сэр. Меня зовут Итан Аллен Хоули. Мы с вами как-то отливали на пару, помните?

Рыжий Бейкер остановился и ответил на приветствие, не спеша махнув пушистым хвостом.

— Я вот смотрел сейчас на свой дом, — поделился Итан. — Умели тогда строить, ничего не скажешь.

Рыжий склонил голову набок и небрежно почесал ребра задней лапой.

— Да почему бы и не строить? Денег-то хватало. Китовый жир с семи морей и спермацет. Знаете, что такое спермацет?

Рыжий вздохнул с подвыванием.

— Вижу, что не знаете. Это светлый, приятно пахнущий жир из головы кашалота. Пес, мой вам совет: прочтите «Моби Дика»!

Сеттер задрал ногу возле чугунного столбика на обочине. Итан обернулся через плечо и бросил:

— Заодно подготовьте анализ книги. Может, сына моего поучите. Он понятия не имеет, как пишется слово «спермацет», да и с остальными словами у него неважно.

В двух кварталах от старого дома Итана Аллена Хоули Вязовая улица поворачивает и упирается в Главную улицу. Посреди первого квартала на зазеленевшем газоне у дома Эдгаров ватага воробьев устроила драку. Разошлись они не на шутку:

яростно кидались друг на друга, шумно чирикали, клевались, норовя попасть в глаз, и не заметили, как подошел Итан.

— Птички в гнездышках дружны, — проговорил он, остановившись, чтобы полюбоваться битвой. — Почему не дружим мы?.. Бред сивой кобылы! Вы, ребята, не можете поладить даже в такое прелестное утро. Зря с вами так носился святой Франциск! Кыш-ш! — Итан бросился к воробьям, размахивая руками, и они шумно вспорхнули, горько сетуя скрипучими голосами. — Вот что я вам скажу, — заметил он им вслед. — В полдень солнце померкнет, на землю упадет тьма, и вы устршитесь.

Старинный дом Филипсов во втором квартале переделали в пансион. Джои Морфи, кассир в Первом национальном банке, вышел на улицу, поковырялся в зубах, оправил клетчатый жилет, поздоровался с Итаном и сказал:

— Как раз собирался к вам заглянуть, мистер Хоули.

— Почему все-таки Великая Пятница?

— От латинского великус-великилиус-великум. Переводится как паршивый.

Джои смахивал на лошадь — и как лошадь улыбался, поднимая верхнюю губу и обнажая большие квадратные зубы. Джозеф Патрик Морфи, Джои Морфи, старина Джои, Морф прожил в Нью-Бэйтауне всего несколько лет, но при этом пользовался бешеной популярностью. Морф-Балагур рассказывал свои побасенки с каменным

лицом игрока в покер, зато над чужими смеялся до упаду — неважно, слышал он их раньше или нет. Морф-Знаток был осведомлен обо всем и обо всех (от мафии до династии Маунтбэтте-нов), однако информацию выдавал таким тоном, что она воспринималась скорее как вопрос. В результате собеседник считал его не зазнайкой, а товарищем и при случае выдавал его слова за свои. Морф был тот еще черт: невероятно азартный — впрочем, никто ни разу не видел его за игрой, — хороший бухгалтер и отличный банковский кассир. Мистер Бейкер, президент Первого национального, доверял ему настолько, что Джои выполнял в банке большую часть работы. Морф со всеми был в приятельских отношениях и при этом ни к кому не обращался по имени. Итана он называл мистером Хоули, а Марджи Янг-Хант — миссис Янг-Хант, хотя ходили слухи, что он с ней спит. У него не было ни семьи, ни другой родни, жил он один в двухкомнатной квартире с ванной в старом доме Филипса, а питался в основном в ресторане «Формачтер». Бейкер и страховая компания сочли его послушной список безупречным, однако была у брата Джои манера рассказывать свои байки так, будто они происходили вовсе не с его знакомыми, а с ним самим. Похоже, парень прошел огонь и воду. Подобная скромность снискала ему еще больше приятелей. Ногти Джои держал в чистоте, одевался дорого и модно, рубашки менял регулярно, ботинки его всегда сияли.

Мужчины вместе направились в сторону Главной улицы.

— Давно хотел спросить: адмирал Хоули вам не родственник?

— Может, адмирал Холси? — уточнил Итан. — У меня в роду было много капитанов, но об адмирале я не слыхал.

— Вроде ваш прадед был капитаном китобойного судна? Похоже, я спутал капитана с адмиралом.

— В нашем городке полно легенд, — кивнул Итан. — Говорят, мои предки со стороны отца занимались пиратством, а со стороны матери — прибыли в Америку на борту «Мэйфлауэра».

— Итан Аллен*, — протянул Джои. — Господи, неужели он тоже ваш предок?

— Возможно. Скорее всего — да, — ответил Итан. — Ну и денек сегодня — лучше не бывает! Так о чем вы хотели поговорить?

— Денек чудный. Вроде как с полудня до трех у вас перерыв? Сделайте-ка мне пару сэндвичей к половине двенадцатого. Забегу за ними сам. И бутылочку молока приготовьте.

— Банк закроется?

— Банк — да, а я нет. Старина Джои будет на своем месте, прикованный к бухгалтерским кни-

* Итан Аллен (1738–1889) — герой Войны за независимость США. В 1778 году был обвинен в государственной измене за попытку переговоров с Канадой о признании штата Вермонт британской территорией. Итан Аллен Хоули отмечает, что его предки Хоули «спутались» с вермонтскими Алленами.

гам. Перед долгими праздниками все кому не лень бегут обналичивать чеки.

— Никогда об этом не задумывался, — признался Итан.

— Еще бы. Пасха, День памяти, Четвертое июля, День труда — любые длинные выходные. Приди мне в голову ограбить банк — непременно сделал бы это перед большим праздником. Денежек полно, приходи да бери.

— Джои, а вас когда-нибудь грабили?

— Нет. Зато мой друг пережил ограбление дважды.

— И что рассказывает?

— Он здорово испугался. Делал все, что было велено. Лег на пол и не геройствовал. Сказал, что в отличие от него деньги-то застрахованы куда лучше.

— Я принесу вам сэндвичи в свой перерыв. Постучу в заднюю дверь. Какие вам сделать?

— Не утруждайтесь, мистер Хоули, я сам забегу — через проулок до вас пара шагов. Ветчина, сыр, ржаной хлеб и майонез, да еще молочка или колы бутылочку возьму, на потом.

— Есть неплохая салями — Марулло расстался.

— Нет, спасибо. Как поживает наш мафиози-одиночка?

— Вроде ничего.

— При всей нелюбви к макаронникам скажу, что малый, умудрившийся сколотить состояние буквально из ничего — начинал-то он с ручной те-

лежки, — вызывает заслуженное восхищение. Ловкий парень. Никому и не снится, сколько у него припрятано на черный день. Вероятно, мне не следовало об этом говорить. Все-таки я банковский служащий.

— Да вы ничего и не сказали.

Они подошли к углу Вязовой улицы и Главной. Возле груды розовых кирпичей, что раньше была старым отелем «Бухта», они невольно остановились и посмотрели на место, где вскоре вырастет новый супермаркет «Вулворт». Ранним утром желтый бульдозер и кран с ядром затаились, будто хищники в ожидании добычи.

— Всегда мечтал поработать на этой штуке, — заметил Джои. — Представляю, как клево было бы размахнуться стальным шаром и смотреть, как рухнет стена!

— Я вполне насмотрелся на это во Франции, — сказал Итан.

— Ну конечно! Ваше имя выгравировано на памятнике в гавани.

— Налетчиков, что ограбили банк вашего знакомого, поймали? — Итан нисколько не сомневался, что речь шла о самом Джои. Так решил бы любой.

— Еще бы! Переловили, как мышей. К счастью, грабители банков умом не блещут. Возьмись старина Джои написать книгу о том, как обнести банк, копы остались бы с носом.

Итан расхохотался:

— И как их обмануть?